

А.В. Петров

ББК Ш5(2=Р)4–4
УДК 821.161.1

А.В. Петров
доктор филологических наук, профессор
(Магнитогорск)

ДУХОВИДЧЕСКИЕ СТИХИ С.С. БОБРОВА НА КОНЧИНУ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

В статье рассматривается историософская идея и художественный образ «творящего Духа», преимущественно на материале двух стихотворений С.С. Боброва о смерти императрицы Екатерины II. Смерть одного из «гениев» России ведёт мысль поэта в сферу метафизическую – знания о «диалектике» жизни и смерти, почти недоступного человеку в мире земном.

Ключевые слова: историософия, Бобров, духовидец, мифопоэтика, мифопоэтика

Рубеж XVIII–XIX веков оказался тем периодом в русской литературе, когда интерес к историософским проблемам [см. о них: **1, 2, 3, 4, 6**] охватил широкий круг «пишущих». Одной из самых ярких и концептуальных попыток создать целостную художественную историософию явилось вышедшее в свет в 1804 г. собрание сочинений Семена Сергеевича Боброва (1765–1810) «Рассвет полночи или Созерцание славы, торжества и мудрости порфироносных, браноносных и мирных гениев России с последованием дидактических, эротических и других разного рода в стихах и прозе опытов Семена Боброва».

В четырёх частях Бобров объединил практически всё, что было написано им за предшествующие двадцать лет. Подводя, следовательно, итоги своей деятельности и пытаясь, видимо, преодолеть жанрово-тематическую пестроту своих творений, поэт посчитал возможным связать их в «Предуведомлении» единым замыслом. В общих чертах его можно описать так: движимые Провидением, «великие Гении России» своими подвигами «тщились» вывести страну из «глубокого мрака» и установить в ней «совершеннейший день просвещения, устройства, благопоспешности и славы».

Идее преобразующей, просвещающей деятельности «гениев» (то есть выдающихся личностей), заявленной в «Предуведомлении»

в качестве основополагающей для всей книги, поэт подчинил в известной мере структуру первой и второй частей «Рассвета полночи...». Их названия – «Порфиросные Гении России» и «Браноносные и миролюбивые Гении России, или Герои Севера в лаврах и пальмах» – фокусируют внимание на статусе и сфере деятельности «гениев». Композицию частей во многом определяет принцип циклизации, хотя формально он остаётся в книге не закреплённым. Несомненно, однако, что Бобров стремился сгруппировать стихотворения, например, трактующие одну тему (победа, новый год, признательность покровителю); или связанные с какими-либо «гениями» (Екатерина II, Мордвинов, русские полководцы); или близкие по жанру (ода, «К-обращение», эпитафия, «хор»).

Безусловно, художественная историософия Боброва, весьма эклектичная, подпитываемая разнообразными философскими, научными, мистико-религиозными, эстетическими и прочими представлениями и идеями, к описанной схеме не сводится. Смысл отдельных бобровских произведений противоречит, кроме того, и самой схеме. В сочинениях Боброва присутствует, однако, несколько устойчивых историософских идей, определяющих, по всей видимости, содержание его исторического сознания. К ним относятся концепция прогресса, провиденциализм, миф о «варварской» допетровской Руси, персоналистское истолкование российской истории, а также идея о *зжидительном*, или творящем, *духе*, которая и будет рассмотрена в данной статье.

Само представление о некоей живительной, одухотворяющей силе, исходящей свыше в тварные объекты (у Боброва, как правило, в «гения») либо созидающей их, восходит к античной (неоплатонизм), христианской и гностической традициям. Для людей XVIII века ближайшим его источником могли быть учения европейских мистиков и духовидцев (Я. Бёме, Э. Сведенборга), а также масонство.

Являясь, по-видимому, духовидцем, Бобров увиденную им *иную реальность* воплощает в облике *духа* (тени, призрака, божества), обладающего тайным знанием. Это знание, открывшееся поэту, обычно излагается им в форме монолога, который произносит *дух*.

Общая концепция творимой Духом (который выступает посланником и выразителем Божественной Воли) истории представлена в стихотворении «Образ Зиждительнаго Духа» (1782, 1804 гг.) [5, II, 4–7]. Некое божество с «горящим пламенником» в руках нисходит в «дольний мир»: небеса послали его «*преобразить сей круг*». Символическим обозначением «чудных перемен», или преобразовательно-созидающей деятельности *духа*, становится мифологема борьбы света с тьмою:

А.В. Петров

Горящий пламенник держа в своих руках,
Он сыплет новый свет в темнеющих местах;
Ничто не кроется; – пред светом мрак трепещет;
Все обнажается, когда свет вышний блещет. <...>

Чтобы не было сомнений в том, что «горний дух» проявляет себя непосредственно и прежде всего в истории, автор передаёт слово музе Клио. В следующей затем «характеристике» *духа* совмещены архетипические черты культурного героя и Бога-Творца, Демиурга. Он создает окультуренное, цивилизованное пространство из пустоты и хаоса, повторяя «в малом образе» акт первотворения:

Он там творит народ, где пустота велика;
Там сушу с зеленью, где жидь иль степь лишь дика;
Там доли жирные, где цепь лишь голых гор. –
Здесь претворяет в град, иль в весь пустынный бор,
А там огромныя выводит в зыбь кормила,
Где прежде Лодия пловцам еще претила
Ступать по тропикам, круг полдней разсекать,
И в Юг с полуночи через моря скакать. –
Он в малом образе, как Вышний Всемогущий,
Который иногда над тусклой смесью сущи,
В прекрасной стройности из оной мир изторг,
И славы своя устроил в нем чертог. <...>

В основной части стихотворения (строфы с 3-й по 7-ю) идея творящего Духа проецируется на российскую историю. Последняя мыслится как череда благих деяний великих исторических личностей, в которых воплощался «сей дух», начиная с легендарного Гостомысла и «Варяжских витязей» и заканчивая Екатериной II, чей дух после её смерти перешёл во внука, Александра Павловича. В этот перечень, а точнее, в сжатый историософский «очерк» истории Руси/России, Бобров включает князя Владимира, призвавшего «Веру в край полночный», и покорителя «Востока» Иоанна Грозного. Как о единоличной заслуге *Духа*, для воплощения которого не нашлось соответствующей исторической фигуры, говорится об освобождении России от татаро-монгольского ига:

Он вздохам Севера чрез двести лет внимая,
Сломил рога луны, пятой их попирая,
И право, коего Росс нагло был лишен,
Он паки возвратил, стряхнув ярмо с рамен.

Особое место в ряду великих «духов» России занимает фигура

Петра I (его характеристике отдано восемнадцать строк при обычном её объёме, уделяемом персонажу, в четыре строки):

Но чей сияет дух средь теней сих спокойных?
Петра, – Петра, кому нет в силе хвал достойных,
В котором чудеса чудесный дух явил <...>.

Среди главных свершений «оного Бога» названы создание новой породы людей («И зверобразов всех в людей переродил») и военные победы, которые осмыслены в образах чудесного одоления пространства («Три шага, – и в конце наш Геркулес вселенной» etc.).

В целом Бобров в более мистифицированной, нежели у его предшественников и современников – одических и эпических поэтов, форме проводит всё ту же идею о богоизбранности России, определявшую историко-философское содержание «высоких» жанров на протяжении XVIII в.

В завершение стихотворения (8-я строфа) поэт утверждает вечную сущность «зжидительного духа», причём как в метафизическом, так и в реально-историческом смыслах:

Возможноль, чтоб сей дух исчезнул мгле подобно? –
Нет; – эхо дел летит в грядущий век удобно. –
Ни современная в том зависть не претит,
Ни будущее зло, – ни что не воспятит,
Как дух сей в поздний род низходит, и гремит. –
Тьмы обаянных душ он тамо собирая,
И памятник себе среди их воздвигая,
Живет в восторгах их, хотяб и свергнул прах;
Деянья в бытии, хоть сам он в небесах.

С помощью идеи *творящего Духа* Бобров попытался объяснить и один из конкретно-исторических сюжетов, который раз за разом возникал в его произведениях и который оставался под официальным запретом в течение всего XIX века, – события 11–12 марта 1801 года. Этот сюжет вошёл даже в те стихотворения, которые были созданы до мартовского переворота и которые Бобров в соответствии с требованиями придворно-политического этикета вынужден был переделать для издания 1804 года.

Смерть императрицы Екатерины II, последовавшая 6 ноября 1796 года, подвигла к размышлениям многих поэтов. Бобров откликнулся на это событие несколькими стихотворениями; крупнейшими были «Драматическое песнопение на кончину ЕКАТЕРИНЫ II в трех явлениях» (1796, 1804) [5, I, 15–18] и «Вечернее

А.В. Петров

созерцание гробницы ЕКАТЕРИНЫ II» (1796, 1804) [5, I, 19–32].

«Драмматическое песнотворение...» по жанру близко к кантате. В первом явлении Хор и три Голоса оплакивают невосполнимую для России потерю – смерть и уход Екатерины-Астреи на небеса:

Плачь! – плачь, Россия огорченна!
Бей в Перси, область возмущенна! <...>
Увы! погас в полнощи свет; ...
Нет просветительницы! – нет! <...>
И так Астрея оставляет,
И все с собою в гроб скрывает! <...>

Затем Хор и Голоса утешают скорбящих, указывая на преемника императрицы, и «возносят» его. В издании 1796 года этим преемником был сын Екатерины Павел Петрович, а в издании 1804 года – её внук Александр Павлович:

Не вечен мрак вечерних тучь;
Не вечно слезный час мерцает;
Надежды в АЛЕКСАНДРЕ лучь
В унылый Север проникает. <...>
Внук Астреин, возсияй!
Облекися в багряницу!
Озари полночный край,
И яви с росой денницу!

Представление о *творящем историю Духе*, который по воле Провидения воплощается в «гениев» и «героев», позволило Боброву без труда заменить «сына» на «внука». Сама идея воплощения в кантате только намечена:

О Росс! – Она не все скрывает;
Се дух благий сквозь гроб блистает!
Се матерь свет чрез внука льет!
Астрея паки в нем живет <курсив Боброва. – А. П.>.

Более детальная её разработка представлена в другом стихотворении.

«Вечернее созерцание гробницы ЕКАТЕРИНЫ II» – сочинение весьма пространное, состоящее из четырёхсот стихов. Композиционно эта *историсофская элегия*, как я определил бы жанр бобровского произведения, построена довольно просто. После *вступления* следуют *монологи двух духов – России и Екатерины II*, представших перед взором автора.

В начальных строфах Бобров рисует вечернюю зарю и наступление в Петербурге ночи. «При трепетном луны блистаньи» к «Петровым стенам» (видимо, к Петропавловскому собору) тихо шествует некий «бледный дух»

В одежде скорби слезошвенной,
С главой печальми осененной <...>.

По описанию «жены почтенной», в котором угадываются аллюзии на заключительный диалог ломоносовского «Разговора с Анакреоном», можно догадаться, что перед нами Россия. Однако полная уверенность в этом приходит только тогда, когда *дух Екатерины* именует «скорбную жену»:

Кто вопиет там в скорбном стоне,
Как томны волны в горном лоне? –
ЕКАТЕРИНЫ тень рекла, –
Тыль горько сетуешь Россия?
Тыль токи слез лиешь такая?

Главным предметом надгробной речи, которую в слезах и с воздыханиями произносит *дух России* на берегу Невы, являются смерть Екатерины и её «деянья». Скорбное лирико-философское содержание монолога можно описать как ламентации о непоправимой утрате, постигшей державу; о вечной памяти, ожидающей Екатерину; о грядущем её «пробуждении во славе»; о роковой предопределённости человеческой судьбы; о краткости жизни и всеобщем законе смерти. Бобров как бы сводит воедино мотивы, характерные для метафизических, религиозно-философских жанров: духовной оды, переложения псалмов, горацианской оды, стихов «на смерть», слова «на погребение».

В речи выделяется два относительно самостоятельных фрагмента. В первом (строфы с 16-й по 19-ю) проявляет себя интересная особенность исторического сознания Боброва – способность рефлексировать о *несбывшемся*, о том, что *могло бы* произойти. Перед *духом России*, который задаётся вопросом о нереализованных Екатериной при её жизни планах («мыслях, воскрыленных упованьем»), предстаёт некое видение – «муж с чертежами». По некоторым намёкам и деталям (образ «тьмы», мотивы прожектёрства, «отважных дел», страстей, неожиданной смерти) можно предположить, что речь идёт о Г.А. Потёмкине.

Второй фрагмент (строфы с 21-й по 27-ю), в котором *дух России* перечисляет «деянья успшия Царицы», представляет собой

А.В. Петров

традиционно-одический исторический экскурс – рассказ о военно-политических успехах в царствование Екатерины II. Поэт кратко повествует о победах в русско-турецких войнах 1768–1774 и 1787–1792 годов, о взятии Варшавы в 1794 и Дербента в 1796 году.

Развёрнутым ответом – утешением скорбящей России становится монолог *тени Екатерины* (строфы с 36-й по 50-ю). Некоторые идеи этого монолога конспективно были намечены Бобровым в стихотворении «Образ Зиждительного Духа» (7-я строфа):

Не сей ли Божеский зрим дух в ЕКАТЕРИНЕ,
Что благоденственным полкругом права в чине,
Закон дала ему; – в законе дышет мать. –
О естли бы к ней смерть не смела приступить! –
Но ежели Она возникла в вечный круг:
То в Внуке дух Ея, – в Нем божеский сей дух...

Теперь свои мысли Бобров разворачивает на пространстве в пятнадцать строк. *Тень Екатерины*, обладающая особым знанием, обращается к *духу России* с утешением, говоря о том, что смерть есть начало жизни, что все земные противоречия в «сени смерти» разрешаются:

«<...> Почто клянeshь судеб уставы? –
Сень смерти – сень есть мира, славы,
Где из нетленных нитей вновь
Безсмертно бытие крутится,
Где Цезарь пастыря стремится
Обнять, признав в нем братню кровь,
Где персти снова обручась,
Почиют, в персти съединяся» etc.

Другим доводом *тени Екатерины*, который должен примирить всех о ней скорбящих и её самоё с мыслью о смерти, являются убеждённость в том, что свою миссию на земле она выполнила, и знание о том, что на небесах её ожидает заслуженная награда – покой и особый Ангельский дар – «венец красоты»:

«Довольно; – Я торжествовала,
Желаний меру испытала;
Я зрела новый рода род;
Я внуков в пеленах лобзала,
И наконец – их сочетала;
Уже преспел деяний плод;
Но слава – в гробе разцветает.

<...>
Где буря мира умирает,
Где шум заботы умолкает,
Где тридесять пять трудных лет,
Которых цену Царства знают,
На лоне вечном отдыхают;
Где братья, – Ангели мне цвет
Из славы жизни извлекают,
И красоты венец сплетают.
<...> Где Петр Великий отдыхает,
Великих в ликах душ сияет;
Где вечный повелитель звезд
Велит и мне, да труд забуду;
Однак – в тебе дышать лишь буду».

Среди своих заслуг *тьнь Екатерины* особо выделяет создание «Наказа», то есть законотворческую деятельность («Тебе Скрижали даровала», «Мое перо от Царств почтилось»).

Надеждой и отрадой России вместо Екатерины должен стать Александр Павлович:

«Ещель томишься в горькой скуке? –
Иль *Гения* не видишь в Внуке? –
Он Царь, – Он полубог сердец;
Пусть память лишь о мне живая,
Как утрення звезда золотая,
Украсит в век его венец,
И в царстве путь ему скажет!
Не плачь! – мой дух сего взыскует».

Уходя в «миры другия», *тьнь Екатерины* просит Ангела хранить Россию.

Литература

1. Абрамзон, Т.Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) / Т.Е. Абрамзон // Libri Magistri. Вып. 1. Литературный процесс: историческое и современное измерения. – 2015. – С. 116–133.
2. Абрамзон, Т.Е. Поэтические мифологии XVIII века (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин) / Т.Е. Абрамзон. – Магнитогорск: МаГУ, 2006. – 480 с.
3. Петров, А.В. Оды «на Новый год», или Открытие Времени. Становление художественного историзма в русской поэзии

А.В. Петров

XVIII века: Монография / А.В. Петров. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2005. – 272 с.

4. Петров, А.В. Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века: Монография / А.В.°Петров. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2006. – 286 с.

5. Рассвет полночи, или Созерцание славы, торжества и мудрости порфироносных, браноносных и мирных гениев России с последованием дидактических, эротических и других разного рода в стихах и прозе опытов Семена Боброва. Ч. 1–4 / С.С. Бобров. – СПб., В типографии И. Глазунова, 1804.

6. Савельев, К.Н. Декаданс и теории циклической истории / К.Н. Савельев // *Libri Magistri*. Вып. 1. Литературный процесс: историческое и современное измерения. – 2015. – С. 150–156.

S. S. BOBROV'S VISIONARY VERSES
ON DEPART OF THE EMPRESS CATHERINE II

A. V. Petrov

Abstract

In the article the historiosophical idea and an artistic image of "the creating Spirit", mainly on material of two poems of S.S. Bobrov on death of the empress Catherine II is considered. The death of one of "geniuses" of Russia conducts the thought of the poet to the metaphysical sphere – the knowledge of "dialectics" of life and death which almost inaccessible to the person in the earth.

Key words: historiosophy, S.S. Bobrov, visionist, Mythopolitics, Mythopoetics